ISSN 0131-8780

СРЕДНИЕ ВЕКА

77
(3-4)

НАУКА

SREDNIE VEKA

Studies
on Medieval
and Early Modern History

Volume **77 (3-4)**

MOSCOW NAUKA 2016

СРЕДНИЕ ВЕКА

Исследования
по истории Средневековья
и раннего Нового времени

Выпуск **77 (3-4)**

МОСКВА НАУКА 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Ады Анатольевны Сванидзе 5

П. Ю. Уваров
От редактора 6

ЦЕРКОВЬ, СООБЩЕСТВА И ИНДИВИД

А. А. Королев
Образы римских мучеников в первые века христианства 9

Г. Е. Захаров
Папские легаты в эпоху арианских споров: раннехристианские истоки средневекового института 36

О. С. Воскобойников
Молчание Абеляра. Письмо Петра Достопочтенного к Элоизе 53

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: СЦЕНАРИИ ДИАЛОГА

С. К. Цатурова
Парижане в восстании Этьена Марселя: Политическое значение столицы Франции в XIV веке 67

Н. Н. Наумов
Концепция «открытости» территорий Петера Морава применительно к политической системе Сигизмунда Люксембургского (к постановке проблемы) 99

Д. И. Вебер (Санкт-Петербург)
Организация сословно-представительных собраний в Ливонии в Средние века и раннее Новое время 118

Д. В. Кирюхин (Нижний Новгород)
«Исповедь» Перкина Уорбека и ее роль в системе репрезентации и пропаганды власти первых Тюдоров 132

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

А. Б. Целунов
Либеллярный контракт в поствизантийской северо-восточной Италии VIII–X веков 144

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

Л. Вольфцун (Санкт-Петербург), *Т. Галчева* (София, Болгария)
Учитель и ученик: Отзыв П. М. Бицилли на сочинение О. Л. Вайнштейна 162

ПАМЯТИ О.И. ВАРЬЯШ

О.И. Варьяш, И.И. Варьяш
Правовые и религиозные нормы: Средневековый опыт преодоления противоречий 176

Н.М. Антониа (Лиссабон, Португалия)
Взятие Сеуты в 1415 году: Продолжение Реконкисты или начало португальской заморской экспансии? (Пер. с португ. А.В. Русанова) 187

Э. Бенито Руано (Испания)
«В Толедо за чертями» (Пер. с исп. Г.А. Поповой) 194

М.В. Винокурова
Институт опеки в обычном праве малых городов средневековой Англии 213

Т.П. Гусарова
Проект реформы государственного собрания 1637 года надора Миклоша Эстерхази 232

О.В. Дмитриева
Теория парламентского представительства в Англии XVI – начала XVII века 250

Г.С. Зеленина
Изображая ведьму: «Дурные женщины» из числа «дурных христиан» в инквизиционных процессах 264

Е.Н. Кириллова
«Без исключений для кого-либо»: Клятва присяжных мастеров в Реймсе XVI века 282

М.Э. да Круш Коэлю (Коимбра, Португалия)
Леонор Португальская – свет и тень имперской мечты (Пер. с португ. А.В. Русанова) 293

О.Ф. Кудрявцев
Русские заметки Раффаэле Волатеррана 309

М.А. Ладеро Кесада (Испания)
История и историки средневековых городов Испании (Пер. с исп. А.А. Белимовой; под ред. В.А. Ведюшкина) 316

Л.К. Масиель Санчес
Крестьянская архитектура позднего Средневековья: Нижняя Бретань и Русский Север 339

А.Ю. Серегина
Английская аристократка на политической сцене: «Биография» леди Джейн Дормер 354

В.И. Уколова
«Различия» Исидора Севильского: Слово как инструмент познания 368

В.В. Шишкин (Санкт-Петербург)
Переписка немецких князей с французским двором во время Религиозных войн XVI века (по материалам из Российской национальной библиотеки) 377

AD MEMORIAM

Игорь Николаевич Осиновский (1929–2016) 392

РЕЦЕНЗИИ И ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

И.П. Потехина, А.В. Гусакова (Санкт-Петербург)
«От оригинала к опубликованному тексту»: Круглый стол медиевистического семинара при Санкт-Петербургском Институте истории РАН 394

С.И. Лучицкая
Tyerman Ch. The Practices of Crusading. Image and Action from the Eleventh to the Sixteenth Centuries. Farnham: Ashgate Publishing, 2013. XII+247 p. (Variorum Collected Studies Series; CS1027)
Тиерман К. Практики Крестовых походов. Образ и действие с одиннадцатого по шестнадцатый век. Фарнэм: Эшгейт паблишинг, 2013. XII+247 с. 404

И.С. Филиппов
Rémunérer le travail au Moyen Âge: Pour une histoire sociale du salariat / Sous la direction de P. Beck, Ph. Bernardi et L. Feller. Paris: Picard, 2014. 528 p.
Вознаграждение труда в Средние века. К социальной истории наемного труда / под ред. П. Бека, Ф. Бернарди и Л. Феллера. Париж: Пикар, 2014. 528 с. 408

SUMMARIES 411

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 422

УДК 904.72(44+47)“15/17”

Л. К. Масиель Санчес

КРЕСТЬЯНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: НИЖНЯЯ БРЕТАНЬ И РУССКИЙ СЕВЕР*

Статья посвящена анализу сельских храмовых комплексов (погостов) в Нижней Бретани и на Русском Севере XVI–XVIII вв. На конкретных примерах показана специфика развития их архитектуры: постепенного заимствования ренессансных и барочных элементов при сохранении средневековой схемы постройки. Учитывая скудность документальных свидетельств, формы архитектурных памятников оказываются важным свидетельством о менталитете и культуре сельского населения периферийных территорий, живших в «долгом Средневековье» на протяжении большей части Нового времени.

Ключевые слова: Бретань, Русский Север, погосты, храм, Церковь, Ренессанс, барокко, готика.

Цель данной статьи – обратить внимание на типологическую общность сельских храмовых комплексов (погостов) в Нижней Бретани и на Русском Севере в XVI–XVIII вв. Несмотря на то, что эти территории находятся далеко друг от друга и никогда не вступали в непосредственный контакт, их традиционалистская сельская архитектура обнаруживает много общих черт. Построенные уже в Новое время, эти постройки и культурный мир их создателей по сути принадлежат позднему Средневековью, т.е. являются примером продолжения его развития, своего рода *Gothic Survival*[1]. Храмовые комплексы были центрами религиозной и социальной жизни сельской округи. Их заказчиками были богатые прихожане-крестьяне или купцы, недавние выходцы из крестьянской среды, исторических сведений о которых обычно почти не сохранилось. Строились храмы артелями местных мастеров, имена которых также редко фигурируют в документах. Это была культура «безмолвствующего боль-

* Исследование выполнено при поддержке Стипендии правительства Франции на научные исследования (7725151).

[1] Бытование средневековых форм в новоевропейской стилистической среде было впервые осмыслено в английской историографии, где оно было названо *Survival* («выживанием») – в противоположность *Revival* («оживлению»), умышленному обращению к средневековым формам в эпоху романтизма и историзма: Gothic Survival // The Grove Encyclopedia of Medieval Art and Architecture. Oxford, 2012. Vol 2. P. 205–208.

шинства», сохранившая много художественных памятников, но при этом мало свидетельств об их осмыслении создателями и пользователями. И здесь особую роль приобретает анализ визуальных источников, представленных сотнями церковных построек, часто весьма масштабных по размеру. Работы о сходных феноменах в сельских храмовых зданиях разных стран Европы в историографии имеются, и они позволяют предположить общность механизмов и даже конкретных форм развития подобной архитектуры[2].

Архитектура погостов Бретани подробно описана и отчасти проанализирована в целом ряде локальных публикаций, но компаративистские исследования отсутствуют. Нижняя Бретань – западная, наименее галлизированная часть Бретонского герцогства. Она сохраняла яркую самобытность и после унии с Францией в 1532 г., причем не только в эпоху экономического расцвета, длившегося до подавления Восстания гербовой бумаги в 1675 г., но и позже. Особенности ее позднесредневековой культуры часто склонны объяснять ссылками на кельтскую специфику, хотя изредка указывается и на сходство тех или иных явлений с ситуацией в других французских регионах[3]. Специфика Нижней Бретани, помимо кельтских истоков, заключалась в слабом развитии городов и широкой вовлеченности сельского населения в мореплавание и торговлю. Местные погосты (enclos paroissiaux, «приходские участки») формировались на протяжении XV–XVIII вв. и объединяли в единый ансамбль целый ряд зданий. Веяния Ренессанса, маньеризма, барокко, даже классицизма отражались, как правило, не в изменении всего облика вновь строившихся зданий, но лишь во внесении отдельных «модных» элементов в их в целом по-прежнему позднеготическую архитектуру[4]. Исследование процессов постепенных изменений стиля и иконографии нижнебретонской архитектуры помогают пролить свет на мышление создававших ее людей.

Обращение к Русскому северу как к параллели Бретани не случайно. Исследования последних десятилетий[5] выявили здесь особый пласт консервативной традиционалистской архитекту-

---

[2] См. публикации в сборнике: Le gothique de la Renaissance / Sous la dir. M. Chatenet, K. De Jonge, M. Kavaler, N. Nußbaum. Paris, 2011.

[3] *Croix A.* Ossuaire ou trompeur mirroir de la mort // Saint-Thégonnec: Naissance et Renaissance d'un enclos. Brest, 1998. P. 55.

[4] Это было характерно для церковной архитектуры в первую очередь: *Blunt A.* Art and Architecture in France 1500–1700. New Haven; London, 1999. P. 30–32.

[5] См., например: *Каптиков А.Ю.* Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII века. Свердловск, 1990.

ры XVII–XVIII вв., связанной с крестьянско-купеческим заказом в селах и малых городах. Отсутствие прямой и жесткой государственной регламентации, крепостного права и усадебной культуры законсервировали здесь Средневековье в то время, когда в столицах процветала культура барокко и неоклассицизма – ситуация, обнаруживающая большое сходство с Нижней Бретанью. Представляется, что это сходство не случайно. Предлагаемое ниже сравнение конкретных построек ставит своей целью показать наиболее очевидные точки соприкосновения обеих традиций. Проведенные автором исследования многих других кейсов показывают, что речь идет о закономерностях, а вовсе не о случайных совпадениях. Обоснованием этого должен стать статистически релевантный «сплошной» сопоставительный анализ архитектурных форм погостов в Бретани и России, который в силу своей масштабности не может быть сюжетом статьи и пока остается уделом будущего.

Погосты в Плейбене (Pleyben) близ Кемпера в историческом Корнуайе и Сен-Тегоннек (Saint-Thégonnec) близ Морле в историческом Леоне (Léon) принадлежат к числу наиболее крупных и известных комплексов, позволяющих проследить специфику развития нижнебретонской архитектуры.

Главным сооружением погоста является, разумеется, церковь. В рассматриваемых комплексах нынешние церковные здания появляются в XVI в. Храм в Плейбене был в целом выстроен между 1564 и 1583 гг. К последнему году относится строительство колокольни с ажурным шатровым шпилем на западном фасаде храма. Несмотря на то, что даже в Бретани в это время уже возводились здания в стиле Ренессанса[6], храм полностью принадлежит провинциальной поздней готике. Это низкое здание с тремя широкими нефами, перекрытыми деревянными нервюрными сводами[7]. Храм Сен-Тегоннека начал строиться примерно в то же время и в той же позднеготической стилистике: в 1563 г. была возведена колокольня

---

[6] Первые произведения стиля появились в Верхней Бретани, в соборе Нотр-Дам в Нанте (гробница герцога Франциска II, 1507, и своды капеллы Сен-Тома, 1514–1524). Ротондальная капелла при соборе в Ванне (1537) стала первым произведением Ренессанса в Нижней Бретани. См.: *Bonnet Ph., Rioult J.-J.* La tour-clocher dans les églises bretonnes: Recherches formelles entre gothique et Renaissance // Le gothique de la Renaissance. Paris, 2011. P. 216–217.

[7] Готический тип зальной церкви и нервюрные своды использовались в Нижней Бретани вплоть до середины XVIII в.: *Heliot P.* Les Influences médiévales sur l'architecture bretonne de l'Ancien Régime // Annales de Bretagne. 1954. Vol. 61, N 61/1. P. 89.

со шпилем на западном фасаде. В дальнейшем он претерпел значительные перестройки: между 1640 и 1656 гг. были добавлены боковые нефы, а в 1714–1716 гг. был существенно расширен хор и построены новый главный неф и трансепт. Последняя перестройка, соответствующая по времени появлению в Париже стиля рококо, в общих очертаниях следует готической традиции, и лишь формы окон и сводов выдают влияние барокко. Как будет видно в дальнейшем, из зданий погостов именно церкви оказываются наименее «чувствительными» к новым стилистическим трендам; возможно, это связано с желанием заказчиков сохранять привычный для прихожан облик главного церковного здания.

Поскольку западный вход в храм согласно бретонской традиции был предназначен для похоронных процессий[8], особую роль играл южный вход, который с середины XV в[9]. стал оформляться торжественным арочным портиком со щипцом, а в некоторых случаях даже увенчиваться башней. Один из первых подобных башенных портиков был создан в Плейбене в 1588–1591 (нижняя часть с портиком) и 1633–1642 гг. (остальная башня)[10]. Его объемное построение традиционно готическое, однако наиболее значимый с визуальной точки зрения элемент принадлежит уже Ренессансу: в завершении башни вместо готического шпиля-шатра использован сложный восьмигранный фонарь[11]. В Сен-Тегоннеке башня над южным портиком (1599 – ок. 1628) меньше предыдущей, но в значительной степени повторяет ее формы. Было еще несколько башен этого времени, имевших сходные черты. Все это говорит о готовности ряда заказчиков быстро откликнуться на новые веяния местной архитектурной моды, поместив свидетельства о них на самые заметные зрителю места, которыми являются завершения башен и главные входы в храм.

Необычным элементом комплекса погостов является оссуарий (костница). Он представляет собой отдельную постройку, чаще стоящую перед главным (южным) входом в храм. Размещение его в одном из самых заметных мест ансамбля можно связать

---

[8] *Déceneux M.* La Bretagne des enclos et des calvaires. Rennes, 2001. P. 33.

[9] Ibid. P. 34.

[10] Сооружение грандиозных башен над портиками связано с технической невозможностью их постройки над средокрестием, где они обычно размещались, из-за большой ширины нефов бретонских церквей. См.: *Déceneux M.* Op. cit. P. 37.

[11] Восстановлен в 1714 г. после пожара. Первые фонари подобного типа в Нижней Бретани были созданы на башнях в Бервене (1573–1576) и Роскофе (1576). См.: *Bonnet Ph., Rioult J.-J.* Op. cit. P. 225.

Погост Плейбен. Фото 2013 г.

с *memento mori,* желанием визуализировать контакт с усопшими. Эта связь была для бретонцев очень тесной, поскольку их хоронили под полом самой церкви, т. е. во время мессы прихожане стояли на костях умерших в буквальном смысле слова. На участке за храмом погребались только чужаки, смертные грешники, некрещеные младенцы и т. д. Людей хоронили обычно вперемешку, специальные места погребения и плиты были только у особо выделяющихся персонажей; все это морально облегчало перемещения останков в оссуарии после весьма нередкого переполнения места под полом храма[12]. Эксгумация тел производилась раз в 6–7 лет; кости складывались вместе, черепа – в коробочки с именем и датой (черные для взрослых, синие для дев, белые для детей)[13]. Пару раз в столетие содержимое переполненного оссуария сбрасывалось в общий ров во время специальной церемонии[14]. Эти практики были запрещены постановлением Парламента Бретани в 1719 г. и еще раз королевским эдиктом в 1786 г.; самый поздний оссуарий был возведен в 1743 г. в Гиссени (Guisseny)[15].

---

[12] *Croix A.* Op.cit. P. 47.
[13] *Fréal J.* Calvaires et enclose paroissiaux de Bretagne. Paris, 1981. P. 62.
[14] *Croix A.* Op. cit. P. 55.
[15] *Déceneux M.* Op. cit. P. 29.

Сейчас бретонские оссуарии кажутся нам уникальными, хотя есть сведения об общефранцузском характере этого явления. Там устройство оссуариев обычно было связано не со специфическими похоронными практиками, а с переполнением городских кладбищ, и, скорее всего, они имели иной облик[16].

Ранние оссуарии Нижней Бретани были навесами, пристроенными к стене храма. Как отдельные постройки они стали возводиться с конца XV в[17]. Датирующийся серединой XVI в. оссуарий Плейбена является одной из старейших сохранившихся построек этого типа и представляет собой отличный образец местной готики: расположенный по центру главного фасада портал и многочисленные окна по сторонам украшены резными пинаклями и «пламенеющими» фронтонами.

Оссуарий в Сен-Тегоннеке был возведен более чем на столетие позже плейбенского, и также значительно позже храма и портика с башней в самом Сен-Тегоннеке. В ансамбле Сен-Тегоннека было еще два оссуария, упоминающихся в источниках и исчезнувших в XIX в.: один был построен в 1650, другой – в 1727 г. Главный, сохранившийся поныне оссуарий был возведен в 1676–1682 гг. и вскоре (к 1686 г.) перестроен в часовню: он получил трехгранную апсиду, западный вход (помимо главного южного) и небольшую звонницу над ним, а также крипту, куда было поставлено деревянное «Положение во гроб» (1699–1702, Жак Леспаньоль). Несмотря на позднюю дату сооружения, здание сохранило в целом традиционный готический облик, но многие элементы – высокий щипец крыши и стен апсиды, контрфорсы и пинакли – трактованы в категориях классической ордерной архитектуры. При этом о господствующем в остальной Франции и даже городах Бретани барокко говорит здесь только эдикула над западным входом, фронтон которой фланкирован волютами в духе римской иезуитской церкви Иль Джезу (Il Gesú). Все остальные формы, несмотря на их обилие и качественность, относятся к архитектурному репертуару Ренессанса. Это говорит, возможно, не столько о консервативности заказчиков, сколько об их сознательном стремлении повторить ренессансные формы предшествующих местных оссуариев[18]. Первым из них, получившим эффек-

---

[16] *Fréal J.* Op. cit. P. 61.

[17] Ibid. P. 71.

[18] Об исключительно важном значении следования местным образцам свидетельствует документ 1646 г., где от каменных дел мастера Люка Салона (Lucas Salaun) требуют построить в приходе Анвек (Hanvec) колокольню «по об-

Оссуарий в Сен-Тегоннеке. Фото 2007 г.

тный ренессансный декор, был оссуарий в Сизуне (Sizun) 1585–1588 гг., сыгравший важную роль в постепенном обретении этим типом зданий функций молельни[19]. Последнее было актуально, как мне кажется, именно для оссуария Сен-Тегоннека, служившего также и часовней.

Еще одной знаковой постройкой погостов были кальварии, обычно ставившиеся напротив оссуария, также на дорогое в храм – как олицетворение воскресения и вечной жизни в противоположность бренным останкам в оссуарии. Кальварии представляли собой кресты и скульптурные композиции вокруг них, водруженные на высокие постаменты, обычно прямо- либо треугольные в плане.

Кальварий[20] Плейбена – один из крупнейших в Бретани. Он был возведен в 1555 г. и первоначально примыкал к южному портику храма. Предполагается, что его основание первоначально было октагональным, как у сооруженного за год до этого кальвария в Плугонвене (Plougonven). Фигуры Богоматери и Иоанна Богослова в Распятии помещены на дополнительные нижние рукава креста – весьма редкий, но характерный для Бретани вариант. Помимо крестов с разбойниками и сцены с воскресшим Христом на кальварии размещено еще четыре объемных многофигурных

разу и подобию башни больничной часовни» (de la forme et manière qu'est bâtie la tour de la chapelle de l'Hôpital); цит. по: *Bonnet Ph., Rioult J.-J.* Op. cit. P. 228–229.

[19] *Déceneux M.* Op. cit. P. 28.

[20] Ввиду отсутствия устойчивой традиции употребления данного слова в русском языке следую мужскому роду французского *le calvaire* – также и для различения *кальвария* как скульптурной композиции с Распятием в центре от *кальварии* как архитектурной композиции из многочисленных капелл, содержащих сцены крестного пути.

композиции, а также около двух десятков рельефных сцен, три из которых были добавлены в 1650 г. Все скульптуры сделаны из местного темного камня керсантита. В нынешнем виде архитектурное решение кальвария относится к 1738–1743 гг., когда он был отодвинут на 30 м от портика; это делает его самым поздним в Бретани. Решение в виде X-образной триумфальной арки отражает, как и в случае с оссуарием Сен-Тегоннека, ориентацию на наиболее яркие местные образцы, кальварии с X-образными контрфорсами в Гимильо (Guimiliau) 1581–1588 гг. и Плугастель-Даула (Plougastel-Daoulas) 1602–1606 гг., т.е. более чем столетней давности. Правда, в отличие от образцов, центральный объем здесь не сплошной, но превращен в арку-тетрапилон, в чем можно усмотреть отдаленное влияние триумфальных арок Короля-Солнца.

Кальварий Сен-Тегоннека (1610), напротив, небольшой. На низком, напоминающем кенотаф, постаменте размещены многофигурные композиции. Креста три: высокий центральный (с двумя парами дополнительных рукавов со скульптурами) и невысокие боковые.

Большое значение придавалось воротам невысоких оград, окружающих погосты. После середины XVI в. они стали увеличиваться в размерах, превращаясь порой в настоящие триумфальные арки (Сизун, 1588). В Сен-Тегоннеке ворота представляют собой однопролетную арку весьма сложных форм, с мощными контрфорсами, каждый из которых продублирован в стороне от нее без видимой функциональной нагрузки. По своему рисунку арка близка книжным увражам маньеризма (Филибера Делорма, Жака Андруэ Дюсерсо, Себастьяно Серлио)[21], на которые ее создатели могли ориентироваться, будучи относительно свободными в возможностях интерпретации этой второстепенной с сакральной точки зрения постройки. В Плейбене торжественный вход был сооружен в 1725 г. в скромных формах барокко, по упрощенному образцовому проекту знаменитого военного инженера Вобана[22]. Примечательно, что ворота соответствовали не южному, а западному входу в храм, который использовался для похоронных процессий; ворота даже были названы «воротами смерти». Не связано ли перемещение главного входа на запад с изменениями в погребальных практиках после постановления 1719 г.?

---

[21] *Cariou A.* Du gothique au Renaissant // Saint-Thégonnec… P. 63.
[22] *Fréal J.* Op. cit. P. 52.

Наконец, реже встречающимся и самым поздним элементом ансамблей погостов были сакристии. Они стали развиваться в связи с желанием властей поставить приходскую жизнь под контроль духовенства, для чего были изданы специальные ордонансы Парламента Бретани 1655 и 1718 гг. о необходимости проведения приходских собраний исключительно в сакристии; эта практика была усилена после восстания 1675 г.[23] Первые специально построенные сакристии возникают как раз в 1670-е годы. Первоначально они пристраивались к церкви на месте боковых апсид. Так, в Сен-Тегоннеке квадратная в плане двухэтажная сакристия с высокой килевидной[24] кровлей была пристроена в 1685–1690 гг. к церковному зданию между главной апсидой и рукавом трансепта. Сакристия Плейбена (1719) отражает следующий этап развития сакристий, их превращение в отдельные постройки. Она имеет весьма необычное для Нижней Бретани построение в виде купольной ротонды с тремя лепестками, который возводят к трехлепестковой капелле, построенной Делормом в Вилле-Котрет (1552–1553)[25]; мне представляется, что обращение это было не прямым, но опосредованным – через сакристию в Гимильо (Guimiliau, 1676–1683). В целом, обе указанные капеллы с их криволинейными, лишенными карнизов и колонн объемами и плоскостным барочным декором представляют собой новое стилистическое явление для местной архитектуры; единственной данью готическо-ренессансной традиции остаются их угловые контрфорсы с пинаклями.

Погосты Русского севера были центрами социальной и религиозной жизни целых «кустов» сел и деревень. Идентичные ансамбли возникали и в городах, многие из которых отличались от крупных торговых сел лишь административным статусом. Русские погосты имели меньшее число построек, чем бретонские. В деревянных, хорошо известных начиная с XVII в. и продолжавших достраиваться в традиционных формах вплоть до середины XIX в., обычно возводились отдельные здания для летней и зимней церквей, колокольня и невысокая ограда, включавшая в свои пределы также кладбище. При возведении каменных построек (между серединой XVII и началом XIX в.) обе церкви и колокольня часто «упаковывались» в одно здание: в низком нижнем этаже

---

[23] *Déceneux M.* Op. cit. P. 38.

[24] В самом прямом смысле слова, так как была сделана по модели брестских корабельщиков: *Cariou A.* Op. cit. P. 69.

[25] *Déceneux M.* Op. cit. P. 38.

размещался зимний храм, в высоком верхнем – неотапливаемый летний, а колокольня ставилась над входом и соединялась с храмами через трапезную. Бывали и случаи раздельного строительства подобных зданий. Функциональным аналогом бретонских портиков служили обширные трапезные, бывшие обязательным элементом зимнего церковного здания, а иногда и обширные открытые крыльца, где прихожане могли собираться летом[26]. Специальных зданий для собраний прихода, аналогичных сакристиям, в России не было. Костницы же в России существовали, но были связаны исключительно с монастырями и встречались крайне редко; на погостах их не было никогда в силу отсутствия традиции эксгумации мирян.

До настоящего времени сохранилось не так много комплексов северных погостов, так как большая часть построек, особенно деревянных, была сознательно уничтожена в советское время или погибла в пожарах. В качестве примеров для сравнения выбраны наиболее сохранные погосты (построенные как из дерева, так и из камня), а из них – наиболее крупные, в которых все интенции заказчиков и строителей оказались реализованы с максимальной полнотой.

Погост на о. Кижи в Карелии упоминается еще в 1582 г. Старейшим зданием нынешнего комплекса является зимняя Покровская церковь, построенная после пожара 1694 г. Неизвестно, как она выглядела первоначально, но нынешний вид она обрела после перестройки, произведенной между 1749 и 1764 гг. Главный храм погоста – знаменитая летняя Преображенская церковь – была построена в 1714 г. Существующая ныне колокольня сооружена в 1874 г.

В историографии вплоть до недавнего времени деревянная архитектура рассматривалась как не подверженная стилистическим изменениям и влиянию каменной архитектуры замкнутая система, с XV в. (от которого дошли первые памятники) и до середины XIX в. без изменений воспроизводившая извечные «национальные формы». Лишь в последнее время исследователи стали рассматривать ее в контексте общего развития русской архитектуры и обращать внимание на ее стилистические изменения. В силу отсутствия декора они проявлялись лишь в композициях; при этом элементы каменной архитектуры не могли напрямую воспроизводиться в деревянной, и потому это влияние не всегда просто распознать.

---

[26] Одно из них до недавнего времени сохранялось в Богоявленской церкви села Лядины на Каргополье (1793).

Если вернуться к Кижам, то сравнительный хронологический анализ показывает, что редкий тип многоглавого пирамидального храма, достигший апогея в главной церкви Кижей, возникает[27] только после распространения (с начала 1690-х годов) ярусных зданий нарышкинского стиля и может рассматриваться, с моей точки зрения, как отклик традиционалистской архитектуры на их ступенчато убывающий силуэт[28]; в данном случае, реакция на узнаваемые формы столицы происходит еще быстрее, чем в Бретани. Иначе складывается ситуация с малой Покровской церковью Кижей. После перестройки в середине XVIII в. ее архитектура все равно следует не храмам барокко или даже нарышкинского стиля, но повторяет редкий вариант девятиглавого деревянного храма[29], близкого кубоватым композициям (тоже деревянным)[30]. Девятиглавые и кубоватые храмы возникли, как мне представляется, под влиянием пятиглавых посадских каменных храмов с так называемой «горкой кокошников», распространившихся по всей России с середины XVII в. (так называемой стилистики «дивного узорочья»). Наконец, кижская шатровая колокольня 1874 г. являет собой уже пример ретроспективизма, а не устойчивости традиции. Ее предшественницей была ярусная колокольня, типологически соответствующая более новому, нарышкинскому стилю, в то время как шатровые колокольни распространились в России уже к середине XVII в. под влиянием каменной посадской архитектуры. Строительство шатровой колокольни было, таким образом, сознательным актом восстановления «древней» традиции, а не ее естественным продолжением.

Примером большого каменного ансамбля является комплекс Никольского погоста в Лальске. Расположенное недалеко от Великого Устюга село Лальск получило статус посада в 1726 г.,

---

[27] Первым датированным образцом является не дошедшая до нашего времени Покровская церковь в Анхимове (Вытегорский погост) 1708 г. См.: *Ходаковский Е. В.* Деревянное зодчество Русского Севера: Учебно-методическое пособие. СПб., 2010. С. 34–35.

[28] Такие образцы нарышкинской архитектуры, как московские Сухарева башня (1692–1695) и церковь Успения на Покровке (1696–1699), были широко известны по всей России и использовались как архитектурные образцы.

[29] Первым датированным образцом является не дошедшая до нашего времени Ильинская церковь в Чухчерьме 1657 г. См.: *Ходаковский Е. В.* Указ. соч. С. 33.

[30] Первым датированным образцом является не сохранившаяся до настоящего времени Пятницкая церковь в Шуерецком (1666): *Бодэ А. Б.* Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С. 52.

Соборный ансамбль в Лальске. Фото 2009 г.

ненадолго стало уездным (1780–1796), а потом заштатным городом; в 1927 г. Лальск был низведен до поселка. Каменный ансамбль погоста, возведенный на месте сгоревшего деревянного, включает в себя холодный Воскресенский храм с Никольским приделом, теплый Благовещенский и колокольню. Деревянная ограда погоста, оставшаяся от старого острога, была разобрана в 1759 г.

Воскресенская церковь относится к установившейся с конца XV в. типологии соборных храмов, хотя на момент строительства в 1698–1715 гг. статуса собора она не имела. Амбиции ее строителей подчеркиваются не только дорогим изразцовым убранством, но и ориентацией на самый модный образец региона – построенный богатейшим землевладельцем России Григорием Строгановым Введенский собор в Сольвычегодске (1689–1693). Храм в Лальске также не имеет столбов (что было тогда редким новшеством для пятиглавых храмов соборного типа) и украшен эффектным киотом над центральной апсидой.

Не совсем типичен и Благовещенский, теплый храм ансамбля, построенный в 1732 г. Он был задуман как высокий двухэтажный, со складскими помещениями в первом ярусе. Это было нетипично для зимних храмов, ибо строившиеся при большом

летнем, они обычно представляли собой удобные для отопления низкие постройки. В Лальске теплый храм расположился в высоком верхнем помещении, из-за чего пришлось отделить низким потолком всю его верхнюю часть; иначе высокое пространство было невозможно протопить дровяными печами. Возведение высокого объема имело, таким образом, чисто декоративное значение: даже верхние окна на его фасаде слепые. Но даже этого оказалось мало амбициозным прихожанам, и позже, возможно, в 1762 г., храм был еще раз надстроен, превзойдя по высоте летний: следы надстройки отлично видны на фасадах. Примерно тогда же, после пожара 1763 г., получила нынешний вид колокольня, возведенная в 1729 г. Благовещенская церковь и колокольня возведены в типичных для устюжского региона формах (нарышкинских с элементами петровского барокко), причем относятся к лучшим образцам местного зодчества. В 1765 г. колокольня была украшена новомодной рокайльной лепниной, размещенной на заметных местах – подобно тому, как модные элементы Ренессанса внедрялись в готическую ткань бретонских построек. В 1777 г. живопись в рокайльных картушах получил и интерьер главного храма ансамбля.

Итак, строители лальского ансамбля, подобно своим бретонским коллегам, ориентировались на самые модные, но не столичные, а местные образцы. Также сходство с Бретанью добавляет погосту в Лальске его постепенное обновление; чаще на Руси старые храмы полностью заменялись новыми, но не перестраивались.

В связи с рассматриваемым сюжетом стоит упомянуть и каменный храм Покровского погоста на реке Лузе (1729–1750), примерно в 15 км от Лальска. Построенный лальскими купцами Пестовскими, ныне он заброшен и разрушается. Двухэтажное здание типично по структуре: теплый храм расположен внизу, холодный наверху. Поражает его роскошное декоративное убранство, ориентированное на местные образцы – рассмотренный выше Воскресенский храм в Лальске и строгановский собор в Сольвычегодске. В декоре сочетаются восходящие к этим храмам формы узорочья и нарышкинского стиля с отдельными подчеркнуто эффектными элементами елизаветинского барокко (овальное окно) – механизм выделения модных деталей, не раз упомянутый выше. Необычен эффектно подчеркнутый западный фасад, не загороженный колокольней. Ее размещение сбоку от храма является архаической чертой и объясняется скорее жела-

Покровский погост на р. Луза. Фото 2009 г.

нием подчеркнуть парадный западный фасад – возможно, в подражание заложенной чуть ранее еще одной роскошной постройке региона, Симеоновской церкви в Великом Устюге (1725–1740).

Итак, можно выделить следующие черты, объединяющие архитектурные процессы XVI–XVIII вв. в сельских храмах Нижней Бретани и Русского Севера. И там, и там архитектура обычно ориентируется на местные образцы. Среди них выбираются самые модные, и иногда к ним добавляются отдельные столичные детали. Прямое обращение к столичной архитектуре практически исключено, что легко можно объяснить и весьма поверхностным знакомством заказчиков, богатых крестьян и купцов, с Парижем и Петербургом, и тем, что профессиональные архитекторы редко добирались до этой зажиточной сельской глуши. Из этого логично следует постепенность нарастания признаков новых стилей. Они изначально проявляются в декоре, помещаемом на самых заметных местах – входные порталы, крупные окна, завершения колоколен. И лишь потом распространяются на другие части зданий. Пространственные формы (многолепестковые сакристии, ярусные многоглавые церкви) заимствуются лишь иногда, и чаще на поздних этапах.

Наконец, отсюда следует смешение элементов разных стилей, подчас требующее исключительно сложной деконструкции. Процессы «усвоения» новых элементов также не укладываются в столичную логику, так что заимствования не обязательно хронологически последовательны. Разные стилистические элементы – средневековые, ренессансные, маньеристические, барочные и даже неоклассицистические – наслаиваются друга на друга, вступают в причудливый синтез и успешно сосуществуют.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бодэ А. Б. Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005.

Кантиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII века. Свердловск, 1990.

Ходаковский Е. В. Деревянное зодчество Русского Севера: Учебно-методическое пособие. СПб., 2010.

Blunt A. Art and Architecture in France 1500–1700. New Haven; London, 1999.

Déceneux M. La Bretagne des enclos et des calvaires. Rennes, 2001.

Fréal J. Calvaires et enclose paroissiaux de Bretagne. Paris, 1981.

Heliot P. Les influences médiévales sur l'architecture bretonne de l'Ancien Régime // Annales de Bretagne. 1954. Vol. 61, N 61/1. P. 65–95.

Le gothique de la Renaissance / Sous la dir. M. Chatenet, K. De Jonge, M. Kavaler, N. Nußbaum. Paris, 2011.

Saint-Thégonnec: Naissance et Renaissance d'un enclos. Brest, 1998.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Электронный адрес для связи с авторами – sector-sv@list.ru

Антониа Наталия Мария – научный сотрудник Муниципального архива Лиссабона (Португалия)

Бенито Руано Элой (1921–2014) – член Королевской академии истории Испании, историк-медиевист (Испания)

Варьяш Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Вебер Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, преподаватель Института философии СПбГУ

Винокурова Марина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН

Вольфцун Людмила Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Воскобойников Олег Сергеевич – доктор истории (docteur en histoire, EHESS, Paris), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ординарный профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Галчева Таня – независимый исследователь (София, Болгария)

Гусакова Анна Викторовна – бакалавр кафедры истории Средних веков Института истории СПбГУ, технический редактор электронного научного журнала «Vox medii aevi»

Гусарова Татьяна Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Дмитриева Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель генерального директора по развитию просветительской деятельности и популяризации Музеев Московского Кремля

Захаров Георгий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Зеленина Галина Светлояровна – кандидат исторических наук, доцент Центра библеистики и иудаики РГГУ

Кириллова Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, руководитель Центра социальной истории ИВИ РАН

Кирюхин Дмитрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА)

Королев Александр Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, старший научный редактор Церковно-научного центра «Православная энциклопедия»

Круш Коэлью Мария Элена да – доктор истории (PhD), профессор факультета словесности университета Коимбры (Португалия), исследователь Центра социальной и культурной истории

Кудрявцев Олег Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России

Ладеро Кесада Мигель Анхель – член Королевской академии истории Испании, почетный профессор Комплутенского университета Мадрида и университета Кадиса.

Лучицкая Светлана Игоревна – доктор исторических наук, руководитель Центра исторической антропологии ИВИ РАН

Масиель Санчес Лев Карлосович – кандидат искусствоведения, доцент Школы исторических наук (направление «История искусств») факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»

Наумов Николай Николаевич – аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Потехина Ирина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) (ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)»)

Серегина Анна Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гендерной истории ИВИ РАН

Уваров Павел Юрьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Лаборатории социальных исследований Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Уколова Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России

Филиппов Игорь Святославович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Цатурова Сусанна Карленовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН

Целунов Алексей Борисович – аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Шишкин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Института истории СПбГУ